

Донецкий Кряж

ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

80

СПАСИБО
ЗА ПОБЕДУ!

СПЕЦВЫПУСК

№16(29)/2

DONETSKMEDIA.RU

ЭТО БЫЛО ВЧЕРА. Восемьдесят лет назад

Колонка редактора

В этом году мы отмечаем 80-летие Великой Победы – дату, навеки вписанную в историю нашей земли. Этот спецвыпуск посвящён связи поколений. Мы хотим, чтобы вы услышали рассказы фронтовиков, блокадников, воинов Красной армии и их потомков.

Над номером с нами работали кадеты корпуса имени Захарченко. Вместе мы посещали ветеранов Великой Отечественной – участников боёв, детей войны, жителей блокадного Ленинграда... Для ребят это стало прикосновением к живой истории.

Связь поколений для нас – не просто метафора. В Донбассе её навеки скрепила Саур-Могила. В 1943-м здесь шли в штыковую атаку, чтобы вытеснить фашистов. В 2014-м ополченцы отбивали ту же высоту у украинских неонацистов. Ветераны разных эпох, разделённые десятилетиями, вспоминают одно: запах гари, братский чай из котелка, землю, смешанную с железом. Они просто делали то, что должны.

Это и дорога жизни, которая не прерывается. Блокадников, вывезенных из Ленинграда по тонкому ладожскому льду, здесь встречали как родных. Донбасс стал для них убежищем, домом, надеждой – и не отступил, когда нацисты вновь оказались у порога.

80 лет назад над Рейхстагом взметнулось Знамя Победы. Его водрузил Мелитон Кантария, чье легендарное фото известно всему миру. Сегодня его правнук Георгий, как тысячи потомков героев, встал на защиту Родины. Историю Кантарии-младшего мы тоже записали для этого номера.

В нашем спецвыпуске мы хотим передать главное: Защитник Отечества – не звание. Это состояние души.

Спасибо, что вы с нами. С Днём Победы!

Анастасия Антонова,
главный редактор газеты
«Донецкий кряж»

Не упустите ни одной
важной новости!

Подписывайтесь на наши аккаунты
во Вконтакте и Телеграме.

В августе 1943 года советские войска ценой невероятного мужества освободили стратегическую высоту Саур-Могила, открыв путь к изгнанию нацистов из Донбасса. Архивные воспоминания участников тех событий – командиров, разведчиков и простых бойцов – раскрывают, какой кровью и героизмом была оплачена эта победа.

ГВАРДЕЙСКАЯ СЛАВА

Вот что вспоминал о боях на Саур-Могилах в Великую Отечественную бывший командир 96-й гвардейской Иловайской стрелковой дивизии, штурмовавшей легендарную высоту, Герой Советского Союза полковник Семён Самуилович Левин:

«28 августа, выйдя к высоте Саур-Могила с отметкой на военных картах 277,9, мы начали бой за её овладение. Эта высота имела важное тактическое значение, с неё открывался широкий обзор. На её вершине находился центральный наблюдательный пункт 6-й армии противника, с потерей её гитлеровцы лишались возможности управления войсками. Вся высота была превращена в сильный опорный пункт, плотно насыщенный различными огневыми средствами, укрытыми в долговременных сооружениях. На её склонах находились врытые в землю бронеколпаки с установленными в них огневыми средствами. Поэтому, чтобы обеспечить более свободное и быстрое продвижение войск 5-й ударной армии, создать им безопасность с флангов, нужно было овладеть Саур-Могилой.

Особенно ожесточённый бой за высоту разгорелся 29 августа. После артналёта полки продвинулись вперёд и были близки к захвату вершины, но противник, перейдя своим резервом в контратаку в направлении на хутор Саурмогильский, сумел оттеснить наш 293-й полк и некоторые подразделения 34-й гвардейской стрелковой дивизии. Правда, многого немцы не достигли, но наша атака задержалась, и потребовалось время, чтобы снова организовать наступление».

Эта высота имела важное тактическое значение. На её вершине находился центральный наблюдательный пункт 6-й армии противника, с потерей её гитлеровцы лишались возможности управления войсками

«Под покровом ночи группе бойцов из 293-го полка под командованием младшего лейтенанта Шевченко, уроженца Горловки, было дано задание пробраться на вершину и закрепиться там. Взвод из 17 человек выдвинулся с тыла, но гитлеровцы обнаружили их и открыли ураганный огонь. Атаки следовали одна за другой, но смельчаки упорно продвигались вперёд. Когда смертью храбрых пал в бою командир взвода Шевченко, его заменил старшина Кораблёв, и неравный поединок продолжался.

1943-й: «Умрём, но не уйдём!»

Легендарная высота 277,9 Донецкого края была ключевым объектом в противостоянии как немецким оккупантам, так и украинским неонацистам

Почти сутки небольшая группа бойцов стойко удерживала отбитые у врага позиции, что позволило перегруппировать подразделения полка для последующей атаки. Вместе с бойцами на высоте находилась и старшина медицинской службы москвичка Лидия Соболева. Отважная комсомолка была ранена, но позволила эвакуировать себя только после того, как её помощь уже была не нужна.

Тяжёлое ранение в бою за Саур-Могилу получил командир 293-го стрелкового полка подполковник Свиридов, командование взял на себя парторг Лепецкий. И снова вражеская контратака, ранен и парторг. Истекая кровью, он, преодолевая боль, продолжал руководить боем и с возгласом «За Родину!» повёл бойцов в рукопашный бой. Схватка была жестокой, Лепецкий получил ещё одно ранение, от которого скончался.

Утром 31 августа 1943 года высота 277,9 была взята. Дальше наш путь лежал на Иловайск – важный узел дорог, ведущих к центру Донбасса.

В семь утра 3 сентября коротким, но мощным огневым налётом началось наступление. Наши артиллеристы выдвигали орудия в передовые цепи стрелковых подразделений и вели прицельный огонь по огневым точкам противника. Бои были не менее жестокие, чем на Саур-Могилах, и гитлеровцы не выдержали натиска, к полудню город и железнодорожная станция были освобождены.

Подвиги наших воинов в боях за Донбасс оценены по достоинству. Приказом Верховного главнокомандующего от 8 сентября 1943 года 96-й гвардейской стрелковой дивизии присвоено почётное наименование «Иловайская».

РАЗВЕДЧИКИ ШЛИ ВПЕРЕДИ

Участник освобождения Донбасса, директор совхоза имени Челюскинцев Шахтёрского района Фёдор Яковлевич Конча рассказывает о подвиге своего однополчанина:

«Ночью перед штурмом Саур-Могила сержант Яков Листопад, возглавив группу разведчиков, готовил проходы в минных полях, окружающих высоту. А когда началась атака, сел на головной танк и, рискуя жизнью, указывал путь атакующим. До вражеских окопов было уже совсем рукой подать, когда намеченная дорога затерялась в дыму и пыли. Наша атака сразу замедлилась, а огонь врага усилился. И тогда Яков соскочил с бронированной машины и пошёл впереди, прямо на извергающие огонь вражеские окопы. Оставалось уже метров тридцать, когда он упал, сражённый пулями. Но атаку уже было не остановить, советские танки понеслись вперёд...

Ранение у Листопада оказалось тяжёлым, он долго лечился, но снова возвратился в строй, в родную 43-ю отдельную Краснознамённую Перекопскую орден Суворова II степени инженерно-сапёрную бригаду специального назначения. Вместе с ней он защищал Сталинград, 16 раз ходил за «языками» в тыл врага, потом освобождал Ростов-на-Дону, города и сёла родного Донбасса. Дальше его боевой путь пролёг через Севастополь и города Украины в Польшу и Германию. Там командиру разведчиков пришлось отбивать у врага мосты через Вислу, а затем сдерживать яростные контратаки превосходящих сил немцев. Закончил войну Яков Филиппович Листопад в Берлине, где участвовал в штурме Рейхстага.

Добавлю, что за боевые заслуги в годы войны Я. Ф. Листопад награждён орденами Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и Славы III степени, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина» и другими. А в послевоенные годы он возвратился в родной город, где работал журналистом в районной газете, потом на машиностроительном заводе, активно занимался военно-патриотическим воспитанием подрастающего поколения».

НА ВЕРШИНЕ

Гвардии старшина С. Кораблёв – один из тех бойцов, которые штурмовали вершину Саур-Могила. Вот что он рассказал об этом в газете 5-й ударной армии «Советский боец»:

«Огонь нашей артиллерии и авиации вынудил немцев покинуть вершину и занять оборону ниже, на скатах. Наблюдение у фрицев ухудшилось. Этим воспользовалось наше командование. Оно выдвинуло вперёд группу бойцов и поставило им задачу просочиться сквозь боевые порядки немцев и проникнуть на вершину.

Мы двигались бесшумно, под прикрытием темноты. Вот и пулемёты противника. Одна группа – Иванов, Дудка, Селиванов, Симак и другие – подкралась к левому пулемёту, вторая – во главе с младшим лейтенантом Шевченко и старшиной Веремеёвым – к правому. Одновременным ударом сняли вражеских пулемётчиков и побежали вверх. Невдалеке встретили вражеских автоматчиков. Дали по ним короткую очередь, те с криком разбежались. За ними в панике остальные.

Вот и вершина – вся в воронках и расщелинах. Залегли. В стыке наших двух групп поместился с ручным пулемётом Иванов.

Гитлеровцы, конечно, не могли примириться с потерей вершины. Атаки шли одна за другой, а и счёт им потерял. Фрицы пытались взять нас и слева, и справа, обстреливали из самоходных орудий, танков. Но ничего у них не выходило. «Умрём, но не уйдём!» – передал я по цепи. И каждый сражался как лев. Допускали поближе гитлеровцев и били на выбор. Истребили самое малое 50 солдат и офицеров. Так мы держались 12 часов, пока не подошли наши основные силы. Мы помогли им успешно штурмовать гору. Гавреляшев, Иванов, Дудка, Калинин и другие своим огнём проделали коридор в обороне врага.

Хорошо дрались мои бойцы. Никто не дрогнул. Понимали: бьёмся за Донбасс, за свободу от нацизма. И жизни своей не было жалко».

Виктор ВОВЕНКО, ветеран журналистики

2014-й: «Выстрел может быть только один»

Когда я впервые приехал на Саур-Могилу в 2016 году, я увидел лишь следы боёв, которые там шли в 2014-м. Сегодня там, на высоте, построили прекрасный мемориальный комплекс. Но в те дни я видел лишь остатки разрушенной стелы, каменные лица памятников советским воинам, испещрённые вражескими осколками. Я смотрел на них и думал: как же держать оборону в таком месте малыми силами, почти не имея оружия? Чуть позже я подружился с участниками тех боёв и узнал всё из первых уст.

Дорога жизни

Для командования батальона «Восток» удержание кургана было критически важно: с него просматривались восточные города ДНР – Торез, Шахтёрск, Снежное; ЛНР – Красный Луч, а также пограничье. Летом 2014-го приняли решение «ни шагу назад».

С первого дня занятия высоты начали оборудовать оборону. Работали в скале, «обновив» немецкие окопы времён ВОВ. Стенами служили каменные парапеты мемориала. Парадоксально, но украинские обстрелы в чём-то помогали: воронки становились укрытиями. Окопы (максимум 1,5 м глубиной) не походили на киношные – тесные, но спасающие от огня.

Бетонные или деревянные укрепления исключались: разгрузка машины заняла бы 20 минут, а этого времени не было. Транспорт на открытой местности сразу попадал под обстрел. Даже стелу превратили в наблюдательный пункт – на вершине постоянно дежурил боец.

Каждая ротация, проводившаяся раз в несколько суток, становилась спецоперацией. Транспорт неизменно попадал под миномётный обстрел. Защитники часто передвигались в темноте, под дождём или в тумане – это затрудняло врагу обнаружение колонны. Никакого света, кроме крошечных фонариков в руках военных: их тусклое свечение помогало сохранять дистанцию между машинами. Дежурство длилось трое суток. С собой брали минимум – сколько можно унести при высадке. Порой приходило сообщение: «Продержитесь ещё день-два». Казалось бы, мелочь, но без воды, еды или сигарет сложно концентрироваться. А на Саур-Могиле расслабляться было нельзя.

Иногда обстрелы высоты стихали. Но, как вспоминает Андрей Рева (Ревенко), ветеран бригады «Восток» и взвода Медведя, ему доставались лишь те ротации, где вражеский огонь не прекращался ни на секунду. Его первое дежурство в середине июня длилось четверо суток, из которых лишь день прошёл относительно спокойно.

Из ада в ад

Над головами защитников возвышалась стела, казавшаяся нерушимой. Самый заметный объект обороны методично расстреливали: сначала 82-мм миномёты оставляли лишь царапины, затем тяжёлая артиллерия, авиабомбы и танки сделали своё. Враг бил прицельно, зная: осколки памятника добьют укрывшихся в его тени. Так погибли Ник и Таксист.

Но оставшиеся в живых товарищи приказ «держать любой ценой» выполняли. Причём в условиях катастрофического неравенства. Ополченцы ютились в мелких окопах, отслеживая попытки врага двинуться вверх под прикрытием огня. Тот долго не решался на штурм, к русским.

Ротации тоже не были передышкой – враг не ослаблял натиск везде. В конце июля взвод Олега (Медведя) Гришина отправился под Авдеевку на «простое задание». Вместо этого – дни адской обороны.

«Там было не тяжело. Там было как в аду», – вспоминает Рева. Выстояв, почти сразу ушли

Андрей Рева – один из защитников Саур-Могилы в 2014 году – пришел отдать дань памяти павшим товарищам

на Саур-Могилу. Тогда один из ребят поделился оптимизмом:

«Мне сказали, что там вчера два обстрела было!»

Действительно, в течение двух месяцев противник ограничивался только обстрелами. И, дёргая нервы защитников, иногда приближался к их позициям. В итоге оставляя на донбасской земле лишь тела своих погибших. До дня 27 июля он не решался на более смелые действия. Именно в этот момент на ротацию прибыли всего 16 человек под командованием Медведя.

Штурм и героическая оборона

Утром 27 июля начался обстрел из украинских гаубиц со стороны Петровского – ранее нападения с этой стороны не было. Защитники уже тогда знали, что противник стягивает в тот район силы. Но даже не предполагали, насколько они велики.

Огонь вёлся сутки напролёт, а на следующий день начался штурм. Рева, рассказывая, мало уделяет внимания артиллерийскому обстрелу – для защитников он был уже чем-то естественным, как вечно дующий на холме ветер.

«Если они не попали в тебя – ты не обращаешь на это внимания», – спокойно заявляет он.

Трудно даже представить себе непрерывный артобстрел на небольшом пространстве. Грохот взрывающихся снарядов, осколки, ударяющие в бетон. Разлетающаяся земля и жгучий дым. По рации начали поступать предупреждения: на верх кургана выдвинулись танки, транспортёры, пехота – всё. В тот день по замыслам украинских захватчиков всё должно было закончиться. Но на высоте их ждали 16 русских воинов. Враг ещё не знал, на какой безумный шаг решился.

Медведь кричал по рации, чтобы кто только сможет – принёс ему РПГ и боеприпасы. Однако никто не смог прорваться сквозь град снарядов, а вражеские танки были совсем рядом. Назар, пытаясь добраться до своего командира, был ранен осколком в позвоночник. Зловещий кусок металла оставался в нём до конца его жизни.

Танки вышли на позиции защитников на Малой горке, чуть ниже основных линий обороны.

«Если там ещё кто-то есть – пусть возьмёт гранатомёт и там поможет», – кричал по рации Медведь.

Рева, единственный оставшийся из отдохавших, бросился выполнять приказ. Времени на раздумья не было: либо он успеет занять пози-

цию, либо танки дойдут первыми. Взрывы снарядов сотрясали воздух. Бронированные монстры уже приближались к руинам кафе – два танка, двигавшихся друг за другом. Первый, вырвавшись вперёд, ненадолго закрыл обзор второму. Наклон площади сыграл на руку Реве: машина на подъёме потеряла его из виду.

«Выстрел мог быть только один, и то точный, – рассказывает Ревенко. – Попадание в гусеницы ничего не даст: ты его обездвизишь, и что с того? Ты только покажешь ему свою позицию, и через минуту будешь мёртв».

Рева вскинул гранатомёт в пяти метрах от стального зверя, осклизшего стволом. О собственном выживании не думал – снаряд был один, а танки неумолимо приближались. Уроки Гришина по поражению уязвимых точек теперь казались абстракцией: теория меркла перед лицом рокошущей громады.

Андрей Рева (Ревенко) из бригады «Восток» в одиночку остановил танковую атаку, сделав единственный точный выстрел из гранатомёта с пяти метров. Промахнуться означало погибнуть

Выстрел. Промах. Время замерло. Пулемётная очередь просвистела мимо, а второй выстрел Ревы достиг цели. Танк вспыхнул и пополз вниз по склону. Экипаж второй машины, не разобравшись в ситуации, рванул прочь от холма. Вслед за ним отступила прикрывавшаяся пехота.

Хотя в этот момент враг полностью потерял волю к бою и бросился бежать, радости среди защитников всё же не было. Они уже получили сообщение по рации: «Медведь был ранен, он умирает».

Несмотря на подвиг военнослужащих «Востока», в ночь с 7 на 8 августа ополчению ДНР всё же пришлось оставить Саур-Могилу, но уже 24 августа оттуда бежали украинцы. Батальон «Восток» потерял на кургане семь бойцов. Медведь – Олег Григорьевич Гришин – был посмертно награждён Золотой звездой Героя ДНР, и памятник ему встречает нас сегодня в мемориальном комплексе. Русский флаг, развевающийся на вершине, обнимает эту землю. И могилы павших там воинов.

Давид ХУДЖЕЦ
Фото автора

ЭТО БЫЛО ВЧЕРА.

Их остались единицы. С каждым годом – только меньше и меньше. Непосредственным участникам Великой Отечественной – в среднем около ста лет. И это самые младшие из тех, кто пошёл тогда на фронт. Детям войны немногим меньше – за восемьдесят. Пообщаться с ними – прикоснуться к истории. Некоторым из них уже тяжело не то, что ходить – просто говорить. Но они помнят, помнят всё. Могут забыть то, что было вчера или на прошлой неделе. Но не свою юность и не своё детство. Это тяжёлое время они до сих пор способны описать в деталях, будто бы застряли в нём навсегда.

Стойкая Сысоева

Главред решила сразу: в спецвыпуске обязательно будут ветераны и дети войны! Какой же номер на 9 Мая и без них? И даже нашла компанию для поездки по ветеранам – ребят из кадетского корпуса имени Захарченко. Решили начать с блокадницы – **Нины Петровны Сысоевой**. Ей 91 год. Подъехал к старенькому двухэтажному дому, покосившемуся от времени. Ребята уже ждали – нарядные, с бантами, в красивой форме. Нине Петровне понравится. Поднимаемся по лестнице на второй этаж. Волнительно. Открывает.

«Здравствуйте, ребята! Я вас ждала!» – Нина Петровна не скрывает радости. Мы проходим. Чувствую себя немного школьником – мы тоже навещали ветеранов. Кажется, это было только вчера. Ребята расположились вокруг блокадницы и с интересом смотрят на неё.

«Вы бывали в Ленинграде? В Петергофе?» – Сысоева сама начала интервьюировать ребят. – Бывали? Хорошо, я вам ещё фотографии покажу – каким он был раньше, – продолжает она. – Я в Макеевку приехала в 61-м, к мужу, так вот и осталась».

Я слышу шум в соседней комнате.

«Это мой сын, – Нина Петровна быстро сориентировалась на мою реакцию, – ослеп вот, от старости. Смотрю за ним».

Да, вам не привиделось. Ей 91, и она досматривает сына. Силу этой женщины, её бодрость, острый ум и память передать в статье тяжело. И это несмотря на всё, что она пережила с раннего детства.

«Мои родители токарями были на Сестрорецком оружейном заводе. Его эвакуировали в Ленинград. С этого началась наша история в блокаде, – вспоминает Сысоева. – Отца на фронт забрали. Я вот в садик ходила, мама постоянно у станка была, практически круглосуточно. Мама моя молодая была, а на улице увидят – говорят „бабушка“. Вот что такое голод и тяжёлая работа», – Нина Петровна грустно отвела взгляд.

На этом самом заводе, кстати, изготавливали пистолет-пулемёт Дегтярёва. Оружие Победы. А трудилась женщины и подростки, до изнеможения. Пока их мужья обороняли рубежи.

«Знаете, как нас кормили тогда в садике?» – Нина Петровна внимательно смотрит на ребят. У неё очень ясный взгляд. – Раз в сутки нам давали чашку какой-то белой жидкости. Наверное, это был кефир или про-

Нина Петровна Сысоева подарила кадетам на память редкую книгу о Великой Отечественной

стокваша. Было очень противно. А когда я заболела ветрянкой и попала в больницу – мама принесла мне гостинец. Банку какой-то совершенно мутной жидкости. Это им давали такое на работе, – продолжает Нина Петровна. – И хлеб мы ели из лебеды, и за счастье нам это всё было».

После войны беды Сысоевой не закончились. Отца объявили врагом народа – на него наклеили сослуживец за то, что тот признал двигатели немцев более удачными, чем советские. Благо не расстреляли, реабилитировали. А мать умерла молодой – в 38 лет. Нину Петровну дальше воспитывала бабушка, и девочке пришлось рано повзрослеть – в 16 она уже работала на производстве.

В завершение встречи Нина Сысоева подарила ребятам из кадетского корпуса редкую книгу о Великой Отечественной – в коллекцию учебного заведения. Едем дальше...

Николай Павлович и его дочка

Долго странствовать не пришлось. Буквально соседний район Макеевки, и вот нас встречает ещё одна бодренькая бабушка. Даже очень. Уточняю по списку и понимаю: нет, ветеран не она, а её отец, **Мельников Николай Павлович**. Ему ровно 100 лет. И он не просто ветеран – инвалид войны.

Николаю Павловичу тяжело передвигаться, но он смог встать и поприветствовать кадетов. В ордене, подготовился. И ждал. Глазами пытался запомнить всех, кто приехал его навестить. Большую часть истории, конечно, рассказала за него дочка – **Ирина Николаевна Бойко**.

«Папа попал на войну совсем молодым, – рассказывает Ирина Николаевна. – Но пошёл добровольцем – вместе со всеми ребятами района. Вместе с ним хотел и дедушка, пошёл в военкомат, но его не взяли. Потому что он работал на труболитинном заводе, каждый рабочий был на вес золота. Первый бой папа принял в Запорожской области на реке Молочной. Очень много ребят погибло в первых же боях. Папа всегда старался поменьше об этом гово-

Николаю Мельникову – 100 лет. За спиной – невероятная жизнь, полная подвигов

рить. Но помню, как раньше они с сослуживцами встречались, общались. В них долго всё это болело, переживали они это тяжело».

Николай Павлович получил ранение на войне. Ему раздробило пятую кость. Вот эта боль его всю жизнь и преследует.

История Николая Павловича после Победы не закончилась. Он ещё несколько лет не мог попасть домой – служба продолжилась. Ещё два года Мельников разминировал Подмоскovie – до 47-го. А потом и вовсе его отправили в Астраханскую область строить ядерный полигон в Капустином Яру. Там Николай Павлович застрял на долгих три года, вернувшись домой только в 50-м.

На гражданке были новые вызовы – после стольких лет в армии нужно было обучаться новой профессии.

«Папа, когда вернулся, пошёл на бухгалтерские курсы, а затем в институт поступил, – делится Ирина Николаевна. – Мы с ним вместе учились, я в 10-м классе школы, получила аттестат, а он диплом по окончании института получил. Вот так вот».

Ирина Николаевна так тепло каждый раз говорила слово «папа»,

как маленькая девочка – с тем же трепетом и детской любовью, как и десятки лет назад. Николаю Павловичу повезло с дочкой, это было видно невооружённым взглядом, и в каждом её слове, каждом движении. Настоящий подарок Всевышнего за все пережитые невзгоды.

«Если будете служить даже в армии, – обратился к ребятам ветеран, – пусть это будет в мирное время, пусть не будет в вашей жизни войны. Мирного неба вам, ребята».

Мы попрощались, сделали пару кадров и ушли. Эмоции уже хлынули. Ребята под впечатлением, да и учителя тоже. А впереди ещё несколько ветеранов...

Потомственная макеевчанка

«Я помню, как немцы зашли в город. На лошадях. Лошади толстые, аж лоснились, – начала свой рассказ инвалид войны **Валентина Тимофеевна Базилевич-Болотова**. – И сразу начали людей отправлять на принудительные работы в Германию. Тяжело было и страшно. Мама моя делала лепёшки из травы, и ели их. Потому что не было ни хлеба, ни пайков, вообще ничего».

Валентина Тимофеевна – потомственная макеевчанка. Её отец здесь 49 лет работал на шахте, с 13 лет, а приехали сюда ещё её бабушки и дедушки. Участвовали в строительстве шахт, заводов.

Эвакуироваться семья Базилевич-Болотовой не успела: отца оставили взрывать шахты, а когда удалось добраться до станции – было уже поздно, немцы уже были в Харьковске.

«Два года я скрывалась, меня прятали, убегала от полицейских, – делится воспоминаниями Валентина Тимофеевна. – Кому не удалось спрятаться, тех увозили в Германию, и детей воровали».

«Было время, я и санитаркой работала в госпитале. Потом обучили меня на медсестру. Делала всё, что под руки попадётся – и полы мыла, и уколы делала», – рассказывает Базилевич-Болотова. Победу она застала в Польше в госпитале. Кстати, там же, в Польше, получила ранение во время обстрела. После войны работала на заводе бухгалтером.

Валентине Тимофеевне в сентябре будет 100 лет. Самое страшное в её жизни произошло гораздо позже Великой Отечественной – она пережила свою дочь и сына. Но женщина не отчаивается, жизнь с юности научила её стойко воспринимать все тяготы и лишения.

Ребята поблагодарили за рассказ. Уходим. Впереди ещё несколько поездок...

Блокадница Жукова

Перед войной у **Людмилы Евгеньевны Жуковой** родители были геологами, отец был в экспедиции на Кольском полуострове. Жили они в Ленинграде. Сразу после начала ВОВ отец получил повестку. С экспедиции домой на один день – и сразу на фронт.

Восемьдесят лет назад

«Папа уже воевал до этого на финской войне. Боевой опыт у него был, — рассказывает Людмила Евгеньевна. — Вскорости после того, как он ушёл в армию, ребята из его отдела получили бронь по их специальности, а вот он уже был там... К сожалению, папа вскорости и погиб. В октябре 41-го...» — Жуковой тяжело об этом говорить.

Всё это время Людмила Евгеньевна оставалась с матерью в Ленинграде. Жили в коммунальной квартире, как и большинство ленинградцев. Мужчин не было, все были на фронте.

«Мою маму избрали отвечать за безопасность в доме. Была вот такая практика у нас в Ленинграде, в каждом доме, — вспоминает блокадница. — На крыши домов то и дело попадали зажигательные снаряды, и женщины-жильницы собирали их специальными огромными щипцами и бросали в кадки с водой. Один раз мама меня взяла на крышу, показала щипцы эти мне».

«В самом начале блокады ещё ходил общественный транспорт даже, старались поддерживать логику, инфраструктуру. Но немцы практически сразу разбомбили продовольственные склады, — продолжает рассказ Людмила Жукова. — Я до сих пор помню этот день, потому что после бомбёжки оттуда хлынули все крысы, и они бежали по городу, как серое полотно, по всем улицам. Это невозможно забыть».

Людмила Евгеньевна помнит, как постепенно уменьшались пайки, которые выдавали маме на работе: сначала 300 граммов хлеба на человека, затем 250 граммов. Последняя норма уже была 125 граммов.

Валентина Тимофеевна — потомственная Макеевчанка

очень быстро кончилось, — продолжает Людмила Евгеньевна. — А представьте, ведь ещё не было электричества, не было отопления. А первая зима была очень суровая. Я постоянно лежала вся укутанная во всё, что было в доме, чтобы согреться. Мама оставляла мне хлебушек и резала его на три кусочка, я должна была его есть по часам. И я весь день безотрывно смотрела на часы — когда можно будет съесть следующий кусочек».

Особенно интересно было послушать описание супа, которым по вечерам кормила Людмилу её мама.

«Когда мама приходила домой, она приносила свой кусочек хлебушка, отрезала от него часть, брала с полки книжку, и вот ту часть, проклеенную, корешок, она брала и варила. Потому что клей тогда был

Людмила Жукова помнит, насколько тяжело было выживать в блокаду

блокадница. — Кое-что я, конечно, помню, но особенно приятных воспоминаний у меня, конечно же, нет».

Раиса Михайловна уверена, что её и её семью спасло то, что они жили в сельской местности. А именно — в деревне Ваганово.

«По весне у нас хотя бы появлялась зелень. Тот же щавель, крапива, — рассказывает Амосова. — Мы ели всё подряд, и почки с деревьев срывали и ели. Чувство голода было постоянным. Хотелось кушать даже во сне».

Папа Амосовой с первых дней ушёл на фронт. У мамы было трое детей. Раиса Михайловна была самой младшей в семье.

«Я помню постоянные бомбёжки. Кажется, они вообще не прекращались никогда, — делится воспоминаниями Амосова. — Самая тяжёлая была первая блокадная зима. Очень суровая была. Но самое большое горе случилось позже. В следующем году пропал наш братишка Серёжа, ему было семь лет. Мама его очень долго искала, и после войны тоже, но безрезультатно. Я никогда не забуду, как мама сидела на крыльце и горько плакала, а я стояла и вытирала ей слёзы. Мы остались троём — я, сестрёнка и мама».

Папа Амосовой был дважды ранен, прошёл всю войну и вернулся домой.

«Я даже тогда не понимала, какое это счастье, что папа вернулся домой, — говорит Амосова. — Почти ни у кого не вернулись отцы в деревне, а у меня вернулся. А те, которые вернулись — вернулись инвалидами».

От блокады Ленинграда до Мариуполя

Не менее интересные встречи с детьми войны, блокадниками состоялись в Мариуполе. Воспоминания Валерия Владимировича Осипова, ребёнка блокадного Ленинграда, были очень волнительными. Голод, холод, лишения — всё это было в его детстве.

Однажды он и вовсе чуть не погиб во время бомбёжки: «Я стоял возле коляски у окна, когда бомба прошла второй этаж», — делится страшными воспоминаниями блокадник.

Страшна и судьба его семьи. Родственники по мужской линии погибли на фронте. Отец-танкист был убит под Канда拉克шей, дядя Гриша — в Кронштадте. Оставшаяся одна мать как могла боролась за жизнь сына в голодном и холодном городе. Однажды женщина, которая должна была принести им хлеб, погибла от снаряда прямо на площади.

«Меня спасло только то, что выжила моя мать, иначе меня бы не было тоже», — вспоминает Валерий Владимирович.

После эвакуации для него с мамой начались долгие скитания. Сначала был Урал, затем Северный Казахстан, потом Сумская область, Черниговская и, наконец-то, Мариуполь, в котором блокадник живёт и по сей день...

Валерий Владимирович не смог эвакуироваться во время боевых действий. Его улица была в эпицентре событий — были и прилёты, и уличные бои.

«Никогда никому не позволяйте сеять ненависть. Я желаю вам мира и счастья», — обратился в конце встречи Осипов к ребятам-кадетам.

Она служила в военной цензуре

Проверка писем. День и ночь. Без отдыха. Такой была служба ветерана **Валентины Семёновны Устиновой** из Мариуполя. Параллельно она училась на медсестру.

Но служба проверкой писем не ограничилась. Ветеран прошла всю Европу — и Польшу, и Чехословакию, и Германию. Тысячи километров в разных странах. Приходилось даже конвоировать пленных немцев, с автоматом — молоденькой девушке. Очень, кстати, красивой — семейные фото показали.

Её отец воевал, под Сталинградом потерял ногу. Сама она в рукопашной схватке убила польского офицера, который пытался сбежать к немцам. Валентина Устинова прошла через ад в молодости и застала его в старости — когда в родном Мариуполе развернулись боевые действия.

«Я ничего не боялась, — говорит она. — Ни немцев, ни пулю. А сейчас... Сейчас боюсь только одного — чтобы люди не забыли, какой ценой далась эта победа...»

Заключение

Единственное, что желали ребятам ветераны — это мирного неба. Беречь это хрупкое человеческое счастье — жить в мирной стране. Ходить на гражданскую работу, беречь родных, любить и быть любимыми. Не познать тех лишений, которые познали они. Но детство наших кадетов прошло в войну — с 14-го года ребята, по сути, не видели настоящей мирной жизни. Они понимали всё, что говорили им блокадники — они ведь тоже, по правде говоря, дети войны. Пусть будет мир. Пусть придёт Победа. Как и тогда, 80 лет назад. Мира нам всем...

Ринат АЙГИСТОВ
Фото автора

Дети о ветеранах

Я, Алина, кадет 10-го учебного взвода, хочу поделиться своими чувствами от поездки в Мариуполь, где мы встретились с ветеранами — детьми блокадного Ленинграда. Это была не просто поездка — это было настоящее погружение в историю, которое заставило меня по-настоящему задуматься о цене жизни и о силе человеческого духа. Мы имели честь поздравить замечательных ветеранов, и каждая встреча оставила глубокий след в моём сердце.

«Самое поразительное, вот сейчас понимаю это, что я как ребёнок воспринимала бомбёжки, как что-то интересное, — Людмила Евгеньевна оживилась. — Вот представляете, я маленькая, дома целыми днями одна, мама на работе. И я постоянно смотрю в окно. И вижу, как взрывается дом. Это же было главное событие за день. Я с нетерпением ждала маму домой, чтобы поскорее рассказать ей об этом».

Может, оно и к лучшему, что некоторым детям в блокаду ввиду возраста посчастливилось понимать не всё то, что вокруг происходило. Но по мере взросления каждый из них переживал эти воспоминания уже иначе.

«На самом деле, ленинградцы понимали, что городу грозит опасность, и каждый пытался хоть чем-то запастись. Но что мог запастись обычный рабочий человек? Все эти запасы, как правило, мука, крупы, оно всё

натуральный, из животных его делали. Вот такой вот супчик был — из корешка книжки и кусочка хлебушка», — на этом моменте кадеты удивились особенно. Не каждый раз услышишь такую историю.

В 42-м дом Жуковой разбомбили, их перевели жить в госпиталь, затем эвакуировали по Ладожскому озеру. Вскорости мама как инженер записалась на судостроительный завод по производству подводных лодок.

Мы поблагодарили Людмилу Евгеньевну за яркий эмоциональный рассказ и выдвинулись дальше...

История Раисы Амосовой

«Здравствуйте, мои дорогие хорошие! Меня зовут **Раиса Михайловна Амосова**, мне 85 лет. Во время блокады Ленинграда я была совсем ребёнком, — бодро начала знакомство с кадетами наша следующая

ПО-СТАХАНОВСКИ ДОБЛЕСТНО

Сталинград, Харьков, Синельниково, Никополь, Бреслау... На всём этом фронтовом пути Великой Отечественной войны на самых разных объектах можно было встретить надписи: «Мин нет! Скрипченко». И никто не догадывался, что её сделал гвардии старший сержант инженерно-сапёрного батальона, а в довоенные годы известный вратарь сталинского «Стахановца» – Константин Скрипченко.

С первых дней войны на призывные пункты пришли игроки «Стахановца»: защитники **Николай Кузнецов** и **Георгий Мазанов**, нападающие **Сергей Домбазов** и **Пётр Юрченко**. Сегодня расскажу лишь о некоторых футболистах сталинской команды, ушедших на фронт защищать нашу Родину в годы Великой Отечественной войны.

«Мин нет! Скрипченко»

И начну с **Константина Скрипченко**, который родился в Снежном в 1915 году. Защищать ворота «Стахановца» начал в 1937 году. Скрипченко входил в число лучших вратарей довоенного советского футбола.

Узнав о вероломном нападении немецко-фашистских захватчиков, Константин Скрипченко отправился на призывной пункт. В регулярных частях Красной армии – с июля 1941 года. Всю войну прошёл сапёром – от рядового красноармейца до гвардии старшего сержанта.

Первая награда – осенью 1942 года **медаль «За отвагу»**. Строки из наградного листа: «4 июля 1942 года во время сильной бомбардировки и продвижения танков противника и бронемашин противника, после отхода наших прикрывающих частей, красноармеец тов. Скрипченко перекрыл проход в минном поле. Несмотря на то, что возле него были убиты два красноармейца, он продолжал выполнять мужественно боевую задачу. Вследствие чего танки и бронемашин противника вынуждены были приостановиться и расчленились – пошли в обход заминированного участка в связи с подрывом их танков. Тов. Скрипченко, отходя к противотанковому рву, также под огнём противника перекрыл другое минное

поле, где танки и бронемашин начали выходить на исходный рубеж для атаки. В дальнейшем танки и бронемашин противника приостановили движение, не имея выхода через противотанковый ров, наткнувшись на заминированный узкий проход. Два танка подорвались на минном поле, и часть подбита бронейщиками».

Военная судьба уготовила Скрипченко запоминающуюся встречу в 1942-м в Сталинграде. Нет, не с человеком, со стадионом. Получил старший сержант Скрипченко задание минировать места возможных проходов вражеских танков. Прибыл на участок, огляделся. Да это же «Трактор»! Стадион, на котором не раз играл в составе «Стахановца». Вспомнил мирное время, вздохнул, а потом, стиснув зубы, занялся минированием. А в 1943 году Скрипченко был награждён медалью **«За оборону Сталинграда»**.

В сентябре 1943 года Скрипченко был награждён **орденом Красной Звезды**. В наградном листе в «Кратком, конкретном изложении личного боевого подвига или заслуг» записано: «При форсировании реки Днепр в районе села Алексеевка тов. Скрипченко была поставлена боевая задача переправить десант на правый берег реки Днепр. Поставленная задача была выполнена в количестве 30 человек, и переправлена материальная часть: 2 пушки и до полутонны боеприпасов. По возвращении парома назад на реке Днепр был пробит паром. Тов. Скрипченко под сильным обстрелом артиллерийско-миномётным и пулемётным огнём исправил паром, подобрав 7 тонувших бойцов и доставив их на берег. Бесстрашный боевой командир вполне достоин правительственной награды **ордена Красной Звезды**».

Подразделение Скрипченко освобождало от немецких оккупантов Польшу. Было это в феврале 1945 года. Вратарь «Стахановца», выполняя боевые задания при форсировании рек Висла и Одер, проявил мужество и отвагу. За счёт этого был удостоен второго ордена Красной Звезды.

Игнорируя бронь

В довоенном «Стахановце» одним из лучших нападающих, капитаном команды был **Григорий Балаба** – уроженец Волчанска Харьковской области. Его семья в середине 1920-х годов переехала в Кадиевку (ныне – Стаханов, ЛНР). 13-летним пацаном Гриша работал на шахте лампоносом, чтобы помочь материально родителям. Именно тогда

он увлёкся футболом. Благо в Донбассе уже в те годы этот вид спорта был самым популярным. 20-летний Балаба в начале 1930-х годов играл за кадиевское «Динамо», за сборную Донбасса.

В 1937-м Григорий пришёл в сталинский «Стахановец». Перед началом сезона-1941 Балаба вошёл в число первых шести футболистов «Стахановца», которым было присвоено звание «Мастер спорта СССР». Но вскоре по указанию свыше Григорий был переведён в московскую команду «Профсоюзы-1», в составе которой успел сыграть 6 матчей чемпионата-1941, который прервала Великая Отечественная война.

Балаба с семьёй был эвакуирован в Казахстан в октябре 1941 года. У Григория, как у футболиста профсоюзной команды, была бронь. Но не таков был довоенный капитан «Стахановца», чтобы отсиживаться в тылу, и в январе 1942 года ушёл на фронт добровольцем. Принимал участие в обороне Москвы. В 1943 году получил тяжёлое ранение руки. Лишь чудо, которым стали золотые руки медиков, помогло избежать ампутации.

За проявленные мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками младший лейтенант Григорий Фёдорович Балаба награждён **орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»**.

Вратарь полковой разведки

Уроженец Горловки, **Евгений Бушной** защищал ворота «Стахановца» в 1939 году. Затем, в 1940 году, по имеющейся информации вернулся в родную Горловку, где играл за местные команды. 22 августа 1941 года Горловским ГВК Сталинской области был призван в Красную армию. Прошёл боевой путь от рядового до старшего сержанта. Был помощником командира взвода пешей разведки, командиром взвода полковой разведки. Сражался на Юго-Западном и Донском фронтах, участник Сталинградской битвы. Награждён орденами **Красной Звезды** и **Славы III степени**.

В январе 1943 года получил тяжёлое пулевое ранение во время Сталинградского сражения. Можно предположить, что после тяжёлого ранения Бушной лечился по госпиталям. Информацию о его дальнейшем фронтовом пути не удалось найти. Но тот бой, в котором Бушной получил тяжёлое ранение, не был забыт. Как говорится, награда не шла героя. В 1947 году решением Президиума Верховного Совета СССР Евгений Моисеевич Бушной награждён орденом Славы III степени.

По окончании Великой Отечественной войны Бушной вернулся в «Стахановец». 3 июня 1945 года сыграл в матче – открытии сезона против харьковского «Локомотива», в котором сталинская команда на своём поле выиграла – 4:2. Это была его единственная игра после войны.

Бессмертный подвиг

Иван Путятков родился на Вознесенском руднике (ныне – Петровский район Донецка). В 1935 году играл за команду Петровского рудника. Затем прошёл со «Стахановцем» весь путь предвоенного становления – от команды группы «В» (аналог второй лиги) до группы «А» (аналог высшей лиги), выступая за «Стахановец» с 1936 по 1941 год.

20 июля 1941 года был призван в Красную армию Сталинским горвоенкоматом. По имеющимся данным, командир стрелкового отделения старший сержант, член ВКП (б) Путятков погиб в ноябре 1943 года. По номеру полевой почты удалось установить, что он тогда воевал в 835-м стрелковом полку 237-й стрелковой дивизии. На момент гибели Путяткова его подразделение вело ожесточённые кровопролитные бои в 80 километрах юго-восточнее Киева.

К сожалению, другой информации о футболисте-фронтовике, талантливом нападающем сталинского «Стахановца» Иване Сергеевиче Путяткове разыскать не удалось. Известно одно: он отдал свою жизнь за свободу нашей Родины.

Олег АНТИПОВ
Фото из личного архива автора

Георгий Кантария – правнук легендарного Мелитона Кантарии, водрузившего Знамя Победы над Рейхстагом

Он простой боец, каких на фронте сейчас сотни тысяч. Форма без погон, без шевронов, без медалей и орденов. Стоптаные на фронтовых дорогах ботинки. Натруженные руки. Скромная улыбка. Таким был и его прадед. Пока не поднимал над Рейхстагом Знамя Победы.

Скромный герой с великой фамилией

Этот застенчивый молодой человек носит великую фамилию Кантария. И это не совпадение. Георгий – действительно правнук того самого Мелитона Кантарии, который 30 апреля 1945 года вместе с Михаилом Егоровым водрузил красное знамя над поверженным фашизмом, над разгромленной нацистской Германией. Год спустя он стал Героем Советского Союза.

Мотивация и долг

Георгий пока такими высокими наградами похвастаться не может. Да и, говорит, не за ними добровольно отправлялся на фронт.

«Когда сюда шёл, черпал мотивацию от Мелитона Варламовича. Да и вообще от всех участников Великой Отечественной войны, – с гордостью вспоминает своего прадеда Георгий Кантария. – Потому что они в своё время отстояли наш суверенитет, нашу свободу. Наше чистое небо. И для меня позор, если кто-то пытался скрыться от мобилизации. Кто уехал, кто прятался».

Он сам решил, что должен участвовать в СВО. Конечно, хотел не посрамить имя своего прадеда. Конечно, хотел, чтобы им гордилась семья. Но в первую очередь шёл на передовую с целью защитить свою родину.

«Решил не оставаться в стороне. Как в своё время и Мелитон Варламович Кантария, ушёл бороться с фашистами. Как сейчас их называют – неонацистами. Сути это не меняет. Это одни и те же. И символика одна и та же».

От медика до связиста

За время, проведённое в зоне спецоперации, Георгий не раз менял направление службы. Всегда был там, где больше всего нужны были его руки.

«Я сейчас в тыловой части службы. До этого был заместителем командира медиков. Эвакуация раненых солдат. Затем нас чуть сократили, и я перевёлся на самую огневую точку. Работать на Д-30. Телефонистом».

Огневой расчёт гаубицы – всегда лакомая мишень для вражеской артиллерии и беспилотников. И даже связист на позициях часто ри-

КАНТАРИИ: вековая верность Родине

Легендарное фото: Мелитон Кантария водружает над Рейхстагом Знамя Победы

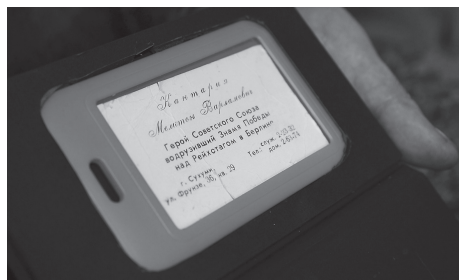
скует жизнью. Один из налётов противника едва не стоил Георгию жизни.

«После прилёта я словил контузию, и наше командование решило меня в тыловую часть убрать. Здесь уже занимаюсь налаживанием связей с людьми, кто помогает фронту. И какие-то потребности от нашего дивизиона передаю им. Они уже, в свою очередь, помогают нам».

Тыловая работа: помощь фронту

Гуманитарная помощь, признаётся Георгий Кантария, очень важна для каждого бойца на фронте и в тылу. Поэтому его работа сейчас, пусть и далеко от линии боевого соприкосновения, приносит немало пользы.

«Очень много помогает нам тыл, помогают гражданские. Это и маскировочные сети, и генераторы, без которых сейчас никуда. На передовой это единственный способ зарядить средства связи, – рассказывает Георгий о ценности своей работы. – Одна команда волонтеров обеспечивала нас и автомобилями, и системами РЭБ. Причём как стационарные системы, так и пере-

Визитная карточка Мелитона Кантарии – бесценная семейная реликвия, которую Георгий хранит как талисман и символ связи с героическим прошлым

носные. Очень дорогостоящее оборудование, но работает на отлично».

Но самым ценным подарком от волонтеров для Георгия стал вовсе не автомобиль высокой проходимости или дорогой дрон-разведчик. Однажды вместе с гуманитарным грузом ему привезли визитную карточку прадеда.

«Мне эту визитку отдала Татьяна Поланина. Сама она получила её в 1982 году. Ей было 17 лет, когда к ним приезжал Мелитон Варламович Кантария на мероприятие, где она выступала, рассказывала стихотворение, – пересказывает Георгий историю этой карточки. – От волнения она заплакала. Он вышел, успокоил её. И у неё было такое чувство, будто родной дедушка её обнял. Настолько мощная и добрая энергетика у него была».

Он хранит этот подарок под сердцем. Носит его как талисман. Соорудил даже специальный кейс, чтобы визитка не истрепалась.

«Я лично с ним не был знаком, к сожалению. Фотографии тоже остались все в Грузии. Но это визитка для меня как возможность прикоснуться к истории. Как мой талисман, наверное. Это наша семейная реликвия».

Память о прадеде

Мелитон Кантария умер в 1993 году. Познакомиться они просто не могли. Но Георгий всё же был в родном селе своего прадеда. Правда, ещё совсем маленьким.

«Мама рассказывает, как я маленьким бегал домой к своему брату мультики смотреть. Потому что только у него на всё село был телевизор и видеомагнитофон. Село такое бедное. У них даже до сих пор есть ветряная мельница, хлеб сами делают. Всё такое».

Там, в селе Джвари, он и узнал историю своего прадеда. Каким он запомнился соседям и многочисленным родственникам.

«Мой дед очень любил трудиться. В этом селе нельзя было по-другому. Хочешь кушать – трудись. Привычек вредных не имел. Занимался спортом, добродушным очень был».

Там же, в селе Джвари, и могила Мелитона Кантарии. На территории школы, которая носит имя героя. А вот отец Георгия оставаться на периферии не захотел.

«Отец у меня никогда не хотел жить в селе, поэтому поехал в Россию учиться, получать образование, военную службу проходить, – рассказы-

вает Георгий. – Здесь познакомился с матерью. А потом и я уже появился».

Отец и мать Георгия стали последними, кто узнал, что он отправляется в зону СВО. Родителей не хотелось пугать. Да и друзьям рассказывать ничего не стал.

«Я до последнего никому не говорил, что иду на СВО. Просто собирался. Потом уже друзьям сказал, что изъявил желание. А родителям – что пришла повестка. Пришлось немного приврать».

3D-печать для победы

Сегодня Георгий Кантария занимается поставками всего необходимого на фронт. Причём не только через волонтеров. За свои деньги он купил несколько 3D-принтеров. Это необходимая техника, чтобы обеспечивать снарядами операторов БПЛА.

«3D-печатью я занимаюсь около года. Меня всему обучили ребята из „Технофронта“. По удалёнке рассказывали, как их ремонтировать, если какая-то поломка. Делились моделями, которые в первую очередь используются, – рассказывает Георгий, проводя небольшую экскурсию по своей мастерской. – Сейчас печатаю различные хвостовики, наконечники для операторов БПЛА. Сколько уже напечатал – сказать сложно. Счёт явно идёт на тысячи».

В скромной комнатке целая стена увешана детскими рисунками.

Благодаря 3D-принтерам Георгий обеспечивает фронт необходимыми деталями, продолжая дело прадеда в современных условиях

Десятки портретов Георгия и Мелитона Кантарии, написанные руками совсем ещё юных художников. Рядом письма от тех, кто ещё и писать не умеет.

«Мать моего знакомого работает в детском садике „Умка“. Я как-то приехал к ним, подружился. И вот с тех пор регулярно получаю письма, рисунки от малышей. Дети всячески пытаются меня поддержать».

Вера в новую победу

Рядом с рисунками то самое Знамя Победы, которое 80 лет назад возвысилось над Рейхстагом. Конечно, копия. Но Георгий верит: рано или поздно такое же поднимется и в честь победы над украинским неонацизмом.

«У нас все семьи коснулась Великая Отечественная война. У всех есть бабушки, дедушки, кто участвовал, кто был на фронте или трудился в тылу. Нужно этим гордиться и не посрамить их память».

И он гордится. И делает всё, чтобы быть достойным своего прадеда.

Егор КИЛЬДИБЕКОВ
Фото автора

КОД ПОБЕДИТЕЛЕЙ

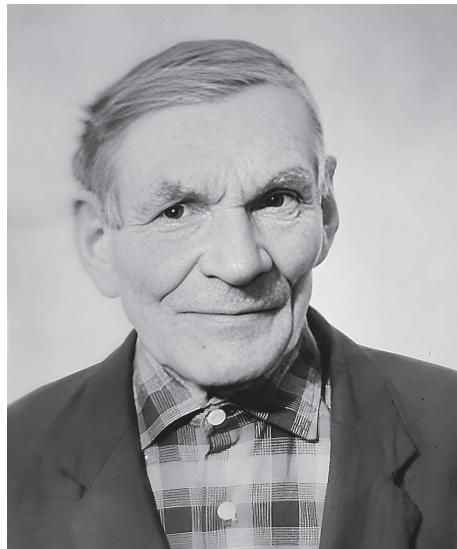
В 1942 году Владимир Бобин, сорокалетний отец семейства, был призван на фронт. Он прошёл через самые страшные битвы – бои под Ржевом, 18 дней в окружении в Белоруссии – и выжил, чтобы его правнук, лейтенант Илья Малых, спустя 80 лет продолжил его дело. Эта история – о связи поколений, о том, как орден Отечественной войны I степени стал не просто наградой, а семейной реликвией, напоминающей: героизм – это не подвиги из кино, а ежедневная тяжёлая фронтовая работа.

Его война началась в сорок лет

В ноябре 1942 года Владимир Яковлевич Бобин, как тысячи таких же тружеников, получил повестку. В 40 лет он оставил мирную жизнь и стал рядовым 29-й армии на Западном фронте. Его ждали Ржевско-Вяземская операция и два

Под Ржевом погибли десятки тысяч солдат. Владимир Бобин выжил, но дважды был тяжело ранен

кровавопролитных штурма «ржевской мясорубки» – Первая и Вторая Ржевско-Сычёвские операции.

Владимир Яковлевич Бобин. Прошёл Ржевскую битву и 18 дней был в окружении под Белоруссией

Земля под Ржевом была перекопана снарядами, а каждое наступление стоило тысяч жизней. Прадед получил три ранения – два тяжёлых и одно лёгкое. «Он редко рассказывал о войне, – вспоминает правнук. – Но шрамы и орден говорили за него: это были бои, в которых далеко не последнее слово оказывалось и за фортуной».

18 дней в аду

1943 год. Белоруссия. Отряд, в котором служил Бобин, попал

Лейтенант Илья Малых, правнук Владимира Бобина, пошёл по стопам героического прадеда

в окружение. 18 дней без снабжения, под постоянным огнём. «Но прадед вырвался. Для него сдать значило предать тех, кто остался в тылу», – рассказывает потомок.

Этот эпизод стал ключевым в его военной биографии. За стойкость и мужество Владимир Яковлевич был награждён орденом Отечественной войны I степени. «Этот орден стал признанием его вклада в Победу, символом той цены, которую он заплатил за свободу будущих поколений. Его история – это пример несгибаемой воли

и верности долгу, который я горжусь сохранить в памяти нашей семьи», – Илья гордится своим прадедом.

Орден – это наш семейный кодекс

После войны Владимир Яковлевич вернулся к мирной жизни. Его орден стал настоящей реликвией для семьи, ведь все понимали: это не просто металл. «Для нас это символ: если он смог, то и мы обязаны», – говорит лейтенант Илья Малых.

Награда прадеда для правнука – не просто реликвия, а напоминание: «Ты должен быть крепче, чем кажешься. От тебя зависит многое»

Правнук пошёл по военной стезе: окончил Военный университет Минобороны, стал замкомандира штурмовой роты по военно-политической работе. Сейчас он служит в зоне СВО. «Когда сложно, я вспоминаю прадеда. Его поколение сражалось с нацизмом, а мы не допустим его возрождения», – подчёркивает Илья.

История Владимира Бобина – не про громкие подвиги, а про тихий героизм. Про то, как обычный человек становится щитом для страны. И как спустя 80 лет его правнук, глядя на орден в шкатулке, готов стоять за свою страну насмерть.

Ринат АЙГИСТОВ
Материал и фото предоставлены группировкой войск «Центр»

В 1941 году 18-летний Серафим Оглоблин ушёл на фронт рядовым стрелком. Через 81 год его внук, Виталий Кельманов, подписал контракт с Министерством обороны. Два лейтенанта, две войны, одна семья – история о том, как орден Красной Звезды и медаль «За боевые отличия» стали звеньями одной цепи.

«Он начал с винтовки, я – с кабеля»

Ноябрь 1941-го. Серафим Оглоблин, только что получивший повестку, отправился на оборону Москвы простым стрелком, рядовым. После ранения и госпиталя он попадает в батальон противотанковых ружей, становится командиром взвода ПТР. Его война – это Курская дуга (во время которой получил второе ранение), штурм Кёнигсберга (за который он получит медаль) и крепости Пиллау, где он будет ранен в третий раз. Победу гвардии лейтенант встретит в госпитале, а после войны у него ещё будет полтора года службы в Брестской крепости.

Октябрь 2022-го. Виталий Кельманов, внук Серафима Михайловича, начинает службу в зоне СВО связистом 228-го мотострелкового полка. «Я видел его награды и понимал: мой выбор – не просто работа, – говорит Виталий. – Дед прошёл путь от стрел-

ка до офицера. Я начал с прокладки кабелей под огнём, но знал: надо достойно нести эту фамилию».

«Ранения как отметины судьбы»

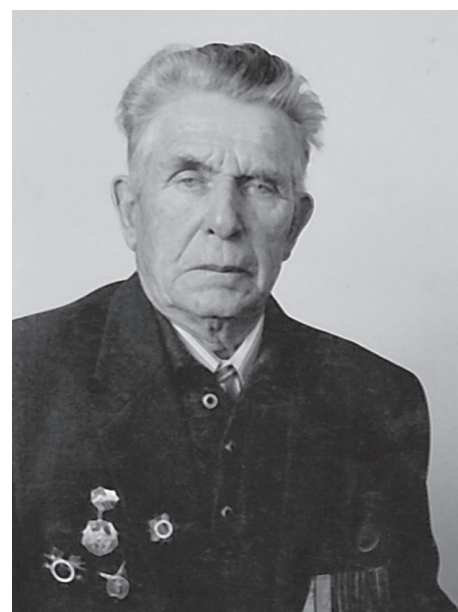
У деда – три ранения, орден Красной Звезды, медали «За Отвагу», «За победу над Германией», «За взятие Кенигсберга». У внука – медаль Суворова, Жукова, «За боевые отличия», «Участнику

Орден Красной Звезды деда и медаль Суворова внука – семейная летопись доблести сквозь поколения

специальной военной операции» и должность замкомандира батальона по военно-политической работе. Оба прошли через легендарные точки своих войн:

1941–1945: Москва – Курская дуга – Кёнигсберг – Пиллау – Брестская крепость (где Серафим служил после Победы).

2022–2024: Херсон – Кременная – Авдеевка.

Серафим Оглоблин и представить не мог, каким он будет героем для внука

«Когда меня назначили офицером, я вспомнил, как дед в 1945-м стал командиром, – признаётся Виталий. – Я всегда помню о нём. С раннего детства я был в курсе его доблестного фронтового пути. Хоть он был и скромным человеком, но семья мне всё рас-

Виталий Кельманов гордится своим дедом и тоже с честью служит Родине

сказывала. Дед для меня с малых лет был главным героем. Надеюсь, он бы гордился мной, если бы узнал, что я встал на защиту Родины».

Ринат АЙГИСТОВ
Материалы предоставлены группировкой войск «Центр»